

Дни в високосный шестой месяц* стояли самые знойные.

(ПП: В традиционном китайском лунно-солнечном календаре для синхронизации с солнечным годом периодически добавлялся дополнительный месяц. Это происходило примерно раз в 3-5 лет. Вставной месяц удлинял лето, делая его особенно жарким и душным.)

У въезда в деревню тянулся ряд высоких старых ив, ветви их низко свисали к земле. Накануне прошёл дождь, но, видно, пролился он негусто: не чувствовалось ни малейшего ветерка. Утреннее солнце медленно выползло из-за спины гор, поднимая испарения воды и туманную влагу, и от этого духота лишь усиливалась, всё вокруг напоминало раскалённую паровую корзину.

Несколько брёвен, сложенных в простой мосток, перекинулись через реку, разделяющую деревню. Древесина, разбухшая от духоты, по краям покрылась изумрудным мхом, из которого проглядывали белёсые шляпки грибов.

Скрип, скрип...

Доски моста слегка покачивались, негромко поскрипывая. Четыре-пять крестьянок перешли по мостику и, пользуясь тем, что солнце ещё не поднялось высоко и жара не успела окончательно распарить воздух, присели у берега стирать бельё.

Молодые женщины подбирали подола, закатывали рукава, обнажая округлые руки; линии бёдер, полные и плавные, вырисовывались особенно заметно. Они раскладывали одежду на камнях для стирки и колотили её деревянными вальками, смеясь и переговариваясь. Проходящие мимо деревенские мужики невольно засматривались, взгляд цеплялся и не хотел отрываться, но вскоре их уводили прочь собственные жёны, крепко ухватив за уши.

— Разве сегодня не тот самый день, когда Чжоу-далан пойдёт к семье Е свататься?

— И правда, Е Нину, видно, в прошлой жизни немало благословений накопить довелось, раз в этой судьба ему такую удачу послала. Семья Чжоу - самая богатая в деревне, у них свиней-то сколько держат. У Чжоу-далана свахи весь порог стоптали, а он, гляди-ка, глаз положил только на Нин-гера из семьи Е!

— Да и неудивительно, Нин-гер пригож собой: и фигура, и лицо с кем сравнишь? У Чжоу-далана деньги водятся, у Нин-гера наружность что надо, так что пара они вполне подходящая.

— Но я слышала, что Нин-гер в прошлом году, в самые лютые морозы, провалился в полынью и с тех пор нажил болезнь, дальше-то, боюсь...

— Тсс! Разве об этом можно болтать? Не неси чепухи.

— Чжоу-далан не брезгует, вот и ты не суй нос, куда не просят. Чжоу-далан к Нин-геру привязан до крайности, сегодня он сам явился с визитом и ещё собирается заранее переписать на Нин-гера пять му земли, в знак искренности перед свадьбой. Пять му, целых пять! Сейчас, поди, уже и земельную грамоту подписывают.

Перейдя через маленький деревянный мостик и миновав деревушку, по форме похожую на тыкву-горлянку, можно было увидеть двор семьи Е, расположенный в самом её конце: один большой главный дом, по бокам несколько флигелей, а вокруг - ограждённая деревянным плетнём полоска утоптанной земли.

Под карнизом висели куски вяленого мяса, которое берегли, не решаясь съесть: по праздникам его аккуратно срезали острым, до блеска наточенным большим ножом, снимая лишь тончайший ломтик, так что и сейчас на нём были лишь поверхностные надрезы; у стены сушились побеги бамбука и грибы. В этом году погода стояла слишком влажная и жаркая, сморщенные сухие ломтики снова вытянулись и заметно отсырели; рядом сновали несколько кур, волоча за собой грязные, спутанные перья, неторопливо прошагав мимо Е Нина, словно по собственному двору...

Е Нин смотрел на этот маленький дворик и медленно моргнул. Это был не знакомый ему постапокалиптический мир: кругом зелёные деревья, вдоволь зерна и воды, ни загрязнений, ни мутаций - самый настоящий райский уголок, о котором он грезил во снах.

И всё же...

— Нин-гер! — из главной комнаты высунулась женщина средних лет, подняла руку и поманила.
— Чего застыл, как вкопанный? Что там торчишь? Быстро в дом, Чжоу-далан уже пришёл свататься!

Увидев, что он не двигается, она схватила Е Нина за руку и потянула в главную комнату, а затем, обернувшись, с лучезарной улыбкой обратилась к опрятно одетому мужчине:

— Чжоу-далан, ай, право слово, заставили вас смеяться. В последние дни духота стоит невыносимая, у Нин-гера здоровье слабое, вот и припозднился немного.

Стоявшая рядом сваха тут же подхватила:

— Да вы только посмотрите! Поглядите-ка! Нин-гер редкой красоты, с Чжоу-даланом они просто идеальная пара. Я вам так скажу: выйдет Нин-гер за Чжоу-далана замуж - только и останется, что жить да радоваться!

Выйти замуж?

Сознание Е Нина наполнилось множеством воспоминаний, которые ему не принадлежали. Это

место вовсе не было знакомым ему миром конца времён, а являлось миром одной земледельческой повести. Сам Е Нин здесь был всего лишь мелким статистом, не имеющим никакого отношения к главному герою. В этой истории он являлся «гером», которого можно выдать замуж: мужчины здесь могли выходить замуж за мужчин и даже рожать детей...

У прямого до мозга костей натурала Е Нина мгновенно перехватило горло, однако уже в следующий миг он с облегчением выдохнул. В семье Е он был старшим; у него имелось ещё двое младших братьев. Второй, Е Чжу, тоже был гером, а третий - уже настоящим мужским потомком. Поскольку Е Чжу внешне был самым обычным и до половины не дотягивал до красоты Е Нина, Чжоу-далан пригляделся лишь к старшему и вовсе не смотрел на Е Чжу. Тот затаил зависть и в лютые морозы столкнул прежнего хозяина этого тела в ледяную полынь.

Хотя его и вытащили, тело сильно пострадало от холода, оставив крайне тяжёлое последствие. Врач прямо сказал: с этого дня и впредь он ни при каких обстоятельствах не сможет иметь потомства. Гер, неспособный родить ребёнка, - да это же величайшее посмешище. Не выдержав такого унижения, прежний хозяин тела чах день ото дня и в итоге угас.

Е Нин носил то же имя и фамилию, имел ту же внешность и телосложение и как раз в этот момент оказался здесь, заняв место того, кто умер в тоске и отчаянии.

Не может иметь детей? Е Нин незаметно перевёл дух. Для натурала это было поистине великое счастье.

Старший сын семьи Чжоу был тучным, с жирной родинкой сводницы* на лице и маленькими, словно мышинные, глазками. Он тщательно и придирчиво разглядывал Е Нина, словно кусок свинины на прилавке или баранью ногу, но уж никак не человека. В конце концов, он удовлетворённо кивнул и даже потер ладони, на которых особенно бросались в глаза отращённые ногти на мизинцах*.

(ПП: В китайской физиогномике и народных представлениях родинка в определённых местах на лице могла ассоциироваться с профессией или характером. Родинка сводницы обычно крупная, тёмная, часто на щеке или подбородке. *В старом Китае длинные ногти на мизинцах (а иногда и на других пальцах) были знаком статуса: они показывали, что человек не занимается физическим трудом. Особенно это было распространено среди учёных, чиновников, богатых торговцев.)

Сваха услужливо заговорила:

— Чжоу-далан к вашему Нин-геру, право слово, очень даже привязан, ни капли не брезгует...

Говоря это, она скользнула взглядом по плоскому животу Е Нина, прозрачно намекая на его неспособность к деторождению.

— Да-да-да! — отец и мать Е закивали так часто, что, казалось, готовы были сломать шеи; они

даже сутулились, вытягивали головы вперёд, ставя себя в крайне униженное положение. — Мы-то всё понимаем, болезнь у Нин-гера... это, конечно... это уж и говорить нечего... эх...

Мать Е тут же добавила:

— Это наш Нин-гер негодный, если уж потом Чжоу-далан... если вдруг захочет ребёнка, наш Нин-гер ни в коем разе препятствовать не станет, он у нас самый что ни на есть добродетельный и великодушный.

Е Нин наконец заговорил, ровным, спокойным тоном:

— Если вам это в тягость, то этот брак можно и не заключать.

Как может прямой мужчина* быть фуланом? Не состояться этой помолвке - вот что как раз и соответствовало желаниям Е Нина.

(ПП: в китайском слэнге натуралы - «прямые», а геи - «согнутые». Это будет часто обыгрываться в дальнейшем)

Едва его слова упали, как все вокруг разом обернулись к нему. Лица отца и матери Е исказились так, словно небо обрушилось, и земля разверзлась; второй брат, Е Чжу, распахнул глаза, сияя от радости; Чжоу-далан выглядел так, будто не мог поверить собственным ушам; а сваха и вовсе пребывала в полном замешательстве.

О любви Е Нина к Чжоу-далану знала вся деревня, не было ни одного человека, кто бы об этом не слышал. В этой глуши, помимо семьи Цзян у самого северного края деревни, именно семья Чжоу считалась самой зажиточной: им до конца жизни не пришлось бы тревожиться ни о еде, ни об одежде. Пусть Чжоу-далан и был полноват, но в такие времена, когда многим и поесть-то толком не удавалось, наличие жира считалось признаком достатка; да и мужчинам позволялось быть тучнее, так даже легче было подыскать себе фулана. Сколько народу мечтало пролезть вперёд и породниться с Чжоу-даланом, и если бы не красивая, ладная внешность Е Нина, семья Чжоу ни за что не согласилась бы взять в дом болезненного человека.

Е Нин, который всегда сам рвался вперёд, навязываясь и лстя, вдруг резко сменил тон и перевернул своё отношение с ног на голову - как тут было не изумиться?

— Ты что, с ума сошёл?! — взвизгнула мать Е. — Ты вообще понимаешь, что несёшь?! Бредишь, что ли, не проснувшись как следует?

Отец Е тоже взорвался яростью, будто Е Нин сказал нечто, возмущающее и людей, и небеса; он затопал ногами и закричал:

— Когда старшие разговаривают, тебе кто позволил рот раскрывать?! Как это мы в семье Е вырастили такого беспутного, не знающего ни правил, ни приличий гера?!

Сваха, увидев неловкость ситуации, поспешила сгладить углы:

— Ох-ох, да погодка-то сегодня жарища невыносимая, вот Нин-гер, верно, оговорился, не то сказал. Он же не это имел в виду, правда? Где это видано, чтобы гер не хотел выйти замуж фуланом?

Она вовсе не дала Е Нину возможности ответить и, не переводя дыхания, продолжила:

— А наш Чжоу-далан ради того, чтобы жениться на Нин-гере, старается изо всех сил! Он даже собирается ещё до свадьбы переписать на Нин-гера пять му плодородной земли. Сегодня-то он как раз и пришёл, чтобы взять его и сводить его посмотреть участок. Если Нин-геру всё придётся по душе, мы тут же подпишем земельную грамоту, и дело со свадьбой можно считать решённым!

Глаза отца и матери Е загорелись ярким блеском, отражая жадное сияние. Они тыкали Е Нина и торопили:

— Нин-гер, да чего ты стоишь? Быстро иди с Чжоу-даланом смотреть землю, ступай! Хватит упрямиться, сейчас ли время характер показывать?

Отец Е заискивающе добавил:

— Чжоу-далан, а что до осмотра земли... Нин-гер ведь в этом ничего не смыслит, может, мне с вами пойти заодно?

Чжоу-далан пошевелил своими маленькими чёрными глазками и неуверенно пробормотал:

— А есть ли разница, хорошо это или плохо? Всё равно земля эта для Нин-гера. Лишь бы ему самому приглянулась, вот и ладно. Да и потом, дальше-то вся земля семьи Чжоу разве не станет землёй Нин-гера?

— Да-да! Ха-ха... да-да-да! — отец Е расплылся в широкой улыбке и в одно мгновение оказался полностью одурачен.

Е Нина, впрочем, так легко провести было нельзя. Чжоу-далан мялся и запинался, настаивая, чтобы на осмотр земли шёл только он один; к тому же в книге семья Чжоу и без того не была из добрых, кто знает, что у них на уме? Е Нин вовсе не был любовным безумцем и, разумеется, собирался держать ухо востро.

Е Нин пришёл из мира книги и в общих чертах знал весь ход сюжета. Прежний хозяин тела не являлся главным героем, и по развитию событий после брака с Чжоу-даланом его обманом вынудили подписать договор о продаже себя, а когда семья Чжоу пресытилась им, его перепродали дальше; он скитался, переходя из рук в руки, и в итоге умер без доброго конца.

Семья Чжоу ни в коем случае не была подходящей партией, а кроме того, как прямой мужчина, Е Нин и подавно не желал выходить замуж за другого мужчину. В душе он противился, но не стал сразу же разоблачать их намерения. Отец и мать Е готовы были стелиться перед семьёй Чжоу, в их глазах те были живыми бодхисаттвами, которые из доброты душевной готовы принять в дом их «испорченный товар». Прямо сказать правду сейчас для Е Нина означало бы не принести себе никакой пользы.

Он мельком взглянул на солнце за окном и сказал:

— На улице слишком жарко. Давайте пока не пойдём смотреть землю, лучше сперва взглянем на земельную грамоту.

— Земельную грамоту... — выражение лица Чжоу-далана заметно застыло, зрачки его по привычке забегали, и лишь после этого он вытащил из рукава свиток с договором. Долго возясь, он медленно развернул его и положил на деревянный стол. — Ладно, ладно, тогда сперва посмотрим грамоту.

В деревне почти не было грамотных людей: чтобы составить земельный договор или разделить хозяйство, обычно приходилось ехать в уезд и искать того, кто умел читать и писать. А вот семья Чжоу держала у себя нескольких писцов, которые в обычные дни занимались подсчётами и составлением различных договоров.

Сваха радостно вскрикнула:

— Смотрите скорее, земельная грамота! Ай да Чжоу-далан, вот уж щедрость так щедрость - целых пять му земли! Да с таким подарком и вашего Чжу-гера потом будет не страшно выдать, и младшим, когда подрастут и станут жениться или выходить замуж, тоже будет на что опереться, верно ведь?

— Хех... — Е Нин вдруг рассмеялся. Его лицо было худощавым, с чуть заострённым подбородком, но вовсе не резким; напротив, это было классическое красивое овальное лицо. Когда он улыбался, белая кожа на щеках окрашивалась лёгким румянцем, добавляя живости и одухотворённости. Чжоу-далан в одно мгновение потерял дар речи, уставившись на него, сердце в груди заколотилось, словно внутри забились большая ночная бабочка.

Вот только он и не подозревал, что улыбка Е Нина была холодной усмешкой - насмешкой и издёвкой.

Е Нин округлым, ухоженным ногтем постучал по грамоте:

— Чжоу-далан, а это что за иероглиф?

Чжоу-далан, пусть и не знал многих знаков, всё же понимал, что написано в договоре. На висках у него выступил пот - явный признак нечистой совести. Лишь спустя мгновение, собравшись с духом, он ответил:

— Это... поле. Да, поле.

Е Нин тут же указал на второй знак:

— Тогда этот, стало быть, «грамота»?

Чжоу-далан расхохотался:

— Да-да-да, именно, «грамота», это же земельная грамота.

Улыбка Е Нина медленно сошла на нет, словно его лицо покрылось коркой льда:

— Раз это земельная грамота, тогда что же означает третий знак?

В заголовке земельного договора всегда было лишь два иероглифа, а в этом документе их стояло три. Чжоу-далан рассчитывал на то, что в семье Е не найдётся ни одного человека, умеющего читать, и потому с наглым видом врал, глядя прямо в глаза.

По первоначальному замыслу Чжоу-далана, сегодня он должен был прийти с визитом, наговорить побольше сладких слов и сначала выманить Е Нина одного. Когда же дело будет сделано и сырой рис превратится в готовый*, Е Нин, лишившись девственности и проглотив горькую обиду, уже не сможет возразить. Тогда он выдаст договор о продаже себя за земельную грамоту и обманом заставит Е Нина поставить подпись. В тот момент и земля останется во владении семьи Чжоу, и сам человек станет их собственностью, а Е Нину останется лишь позволять Чжоу-далану делать с собой всё, что заблагорассудится.

То, что Чжоу-далан достал из рукава, вовсе не было земельной грамотой - это было не что иное, как бумага о продаже себя в рабство.

(ПП: Идиома, означающая «свершившийся факт, необратимая ситуация» (обычно в контексте принуждения к браку или интимным отношениям). Дословно: «сырой рис сварился в готовую кашу». Здесь описывается план изнасилования с последующим вынужденным браком.)